

БЕЗОБЛАЧНАЯ ПОРА

М И Михайлюк

*«Все взрослые сначала были детьми,
только мало кто из них об этом помнит...»*

Антуан де Сент-Экзюпери

Моё детство – это замечательная, счастливая, безоблачная пора, это кладезь воспоминаний, и каждое воспоминание по-своему особенно и запоминающееся. Одним из таких хочу поделиться. И хотя прошло уже полвека, и нет со мной моих родителей, нет моей малой родины, нет моего родного села Проспихино, расположенного на берегу нашей малёной, христовой красавицы Ангары, но этот маленький эпизод из детской жизни запомнился мне навсегда.

Рита (справа) с подружкой на посадочной площадке. П. Проспихино. 1970-е

Было мне годков шесть или семь. Жили мы тогда на задней улице, рядом со школой. Дело было летом, стояла солнечная жаркая погода! В один из выходных дней мои родители собрались с нами на моторке поехать на наши проспихинские острова, покупаться, позагорать и просто отдохнуть. В такие дни на островах было людно. И какое было маленьке побултыхаться в тёплой воде заводи и поваляться на горячем, золотисто-белом песочке, побегать по отмели, оставляя за собой фейерверк брызг! Мамочка моя, Зинаида Григорьевна, собрала с собой тормозок: обычно это были хлеб, свежие огурцы, варёные яйца, какие-нибудь консервы, печеньки, конфеты, квас или морс. На свежем воздухе это было особенно вкусно, а так как мой отец, Иван Матвеевич, слыл заядлым рыбаком да добытчиком, то опосля островов он намеревался переехать на ту сторону Ангары, кинуть тони три-четыре неводом, как говорится, совместить приятное с полезным.

Так вот, как сейчас, в памяти воспроизвожу путь от дома до берега Ангары. Выходим за ворота и мимо домов Чернышёвых, Пановых, через заулоч, мимо дедки Кэ семеню взаде родителей. Братишка, довольный, едет на загривке у отца. Переходим улицу Пионерскую (я тогда и не знала, что она так называлась), выходим на переднюю улицу и с горы, мимо старой, почти разрушенной мельницы, мимо огородов спускаемся по нижнему звозу к пашиному самоловнику. В самоловнике стоят бочки, канистры, вёсла и какие-то рыбацкие снасти (морды, точно помню, были, красивеньки такие, плетёные из проволоки, отец их сам делал зимними вечерами). Лодка с мотором стояла на берегу, тогда и «модь» не было снимать моторы и таскать их туда-обратно. Деревня жила дружной, честной жизнью.

Всё вроде готово, загружаемся в лодку, как вдруг отец говорит: «Ой, паря, мать, а мы кошку-то дома забыли. Ритка, беги врысью домой. Она в завозне, что у амбара». Как и все ребятишки, я на ноги хлётка была. то, что они мне говорили вслед, я уже и не слыхала. Живо понеслась до дому. В детской головке вертелось: «А ведь, правда, на рыбалку-то поедем, а кошку-то с собой и не взяли!». Прибегаю в ограду – в завозне, у амбара – кошки нет! Забегаю в избу – нету! Поискала в сенях, побежала в огород, на бегу зову: «Мурка, Мурка!!!». А кошки нет! Нигде нет! Отчаялась и собралась было бежать обратно, думаю: «Ну и пусть, пускай голодной, без рыбы остаётся!», – как вдруг из-под крыльца выползает Мурка. Радостно схватив её в охапку, мчусь обратно. Бегу так, ажно сердечко хочет выскочить. И кошка тоже! Спускаюсь к реке, все уже в лодке, и отец кричит мне: «Тебя докуля ждать! Убежала – и с голком! У нас уж всё на мази, мы уж хотели тебя домовничать оставить!». А когда я подбежала к лодке с кошкой в руках, то мама вдруг начала громко и залиvisto смеяться, а отец, казалось, дара речи лишился, но потом тоже начал смеяться. И братик Толик, глядя на смеющихся родителей, начал приседать посреди лодки и хохотать, хлопая в ладоши. Отец, посмеявшись, говорит: «Ну, девка, ты и отчубучила, какэсь то и притащила!». Смеётся потихоньку: «Уморила нас до слёз! Мы с матерью из дива вышли, каку «кошку» увидели! Ну, ничаво, бывает, вдругорядь не оплошашь!». И, подмигнув, мне: «Может, кошка рыбу поймат нам?!». И тут я сообразила, что сделала что-то не то! Откуль мене, малухе, было знать, что «кошка» – это специальный якорь с острыми загнутыми концами!